

Посвящается Барбаре

ЧАСТЬ I

1 ноября 1327 года

1

В свои восемь лет Гвенда нисколько не боялась темноты.

Открыв глаза, девочка словно утонула в непроглядном мраке, однако напугало ее вовсе не это. Рядом, на полу длинного каменного здания, которое все называли госпиталем Кингсбриджского аббатства, на соломе лежала мать, и по теплomu молочному запаху Гвенда поняла, что она кормит младенца; тот родился считаные дни назад, и ему еще не успели дать имя. Рядом с матерью пристроился отец, а около него — двенадцатилетний брат Гвенды, Филемон.

В госпитале было многолюдно; пускай Гвенда не видела других в темноте, она знала, что люди лежат на полу впритирку, сгрудившись, точно овцы в загоне, и от согретых тел исходил такой запах, будто от прелой листвы. С рассветом начнется День Всех Святых. В этом году он выпал на воскресенье, а потому был праздничным вдвойне. Ночь накануне праздника считалась чрезвычайно опасной, ведь злые духи в эту ночь свободно разгуливали по свету, вредя всем подряд. По этой причине сотни людей из окрестных деревень, заодно с родными Гвенды, собрались на Хэллоуин* в аббатстве Кингсбридж, рассчитывая, кроме того, побывать на утренней службе в честь Всех Святых.

* Имеется в виду христианский праздник, бдение накануне Дня Всех Святых и поминовение усопших; празднество отмечалось на переломе осени перед наступлением зимы, во многом следуя языческой традиции. — *Здесь и далее примеч. ред.*

Гвенда остерегалась злых духов, как и всякий разумный человек, но еще больше страшилась того, что ей предстояло проделать во время службы.

Она уставилась в темноту, стараясь не думать о том, что ее пугало. Гвенда помнила, что в противоположной стене имеется стрельчатое окно. Стекла в раме не было, стеклить окна позволяли себе только богачи, и преградой холодному осеннему воздуху служила лишь полотняная завеса. Сколько девочка ни вглядывалась, серого полотна во мраке было не различить. Вот и славно. Гвенде не хотелось, чтобы утро наступало.

Она ничего не видела, зато слышала предостаточно. Солома, устилавшая пол, беспрерывно шуршала, когда люди ворочались и метались во сне. Вот захныкал ребенок, которому, наверное, что-то приснилось, но быстро затих, убаюканный негромким голосом матери. То и дело кто-то неразборчиво бормотал, словно ведя бессмысленный разговор. Доносились и звуки, какие издавали взрослые, когда делали то, чем порой занималась мамаша с отцом, но об этом не полагалось говорить вслух. Гвенда про себя называла такие звуки хрюканьем, другого слова ей было не подобрать.

Как ни жаль, все-таки стало светать. С восточного торца длинного помещения, из-за алтаря, появился монах со свечой в руках. Он поставил свечу на алтарь, зажег от нее вощеный фитиль и двинулся вдоль стен, поднося огонь к светильникам. Длинная тень скользила по пятам, наползая на стены, а призрачное пламя фитиля будто сливалось с пламенем светильников.

Сделалось светлее, и стали видны люди, рядами скорчившиеся на полу, закутанные в грубые суконные плащи или прижимавшиеся к соседям, чтобы согреться. Подстилки возле алтаря достались хворым, ведь известно, что чем ты ближе к священному месту, тем скорее выздоровеешь. Лестница в дальнем конце помещения вела наверх, на второй этаж, где располагались комнаты для важных гостей. Сейчас там отдыхал граф Ширинг со своими домочадцами.

Зажигая очередной светильник, монах наклонился над Гвендой, поймал ее взгляд и улыбнулся. В неверном свете пламени она узнала брата Годвина, молодого красавчика, того самого, что вчера вечером ласково беседовал с Филемоном.

Рядом с Гвендой завозились односельчане: зажиточный крестьянин Сэмюел, державший большой земельный участок, его жена и двое сыновей. Младший, шестилетний Вулфрик, был сущим бедствием и считал, похоже, что веселее всего на свете кидаться в девчонок желудями и безнаказанно удирать.

Семья Гвенды бедствовала. Отец не держал ни клочка земли и нанимался в батраки ко всякому, кто был готов платить. Летом работы хватало, но после сбора урожая, когда подступали холода, семейство часто голодало.

Потому-то Гвенде приходилось воровать.

Она вообразила, будто ее поймали: вот крепкая рука стиснула ее плечо, сдавила мертвой хваткой, из которой не вырваться, сколько ни извивайся; вот звучный и жестокий голос произнес: «Попалась, воровка»; вот боль и унижение порки, а вот и худшее — мучительная казнь через отрубание руки.

Ее отец понес именно такое наказание. Теперь его левая рука заканчивалась отвратительной сморщенной культишкой. Он, надо признать, неплохо управлялся и одной рукой: копал лопатой, седлал лошадей, даже плел сети для ловли птиц, — но все-таки весной калеку нанимали последним, а по осени прогоняли первым. Потому отец не покидал деревню и не искал работу в других местах, ведь культя выдавала в нем вора, и люди наверняка откажутся его нанимать. Когда приходилось выбираться из дома, он привязывал к обрубку руки набитую соломой перчатку, чтобы не вызывать подозрений у каждого встречного, однако эта уловка мало кого обманывала.

Гвенда сама не видела, как отца наказывали — это случилось еще до ее рождения, — но часто воображала себе, как ему рубят руку, и сейчас не могла избавиться от мысли, что и с нею произойдет то же самое. Внутренним взором она видела, как лезвие топора опускается на запястье, рассекает кожу и кости, навсегда, бесповоротно отделяет кисть от руки... Пришлось стиснуть зубы, чтобы не закричать в голос.

Люди тем временем поднимались с пола, потягивались, зевали, терли кожу заспанных лиц. Гвенда тоже встала и отряхнула одежду. Все, что на ней было надето, досталось ей от старшего брата — суконная рубаха до колен и накидка поверх рубахи, перехваченная в поясе пеньковой веревкой. Башмаки прежде шнуровались, но дырки для шнурков давно порвались, сами шнурки стерлись, и теперь приходилось привязывать обувь к ногам плетеной соломой. Подоткнув волосы под шапочку из беличьих хвостов, Гвенда решила, что готова.

Тут она перехватила отцовский взгляд. Отец едва заметно кивнул в сторону семейства, что копошилось через проход от них: двое взрослых, пара средних лет, и двое сыновей чуть постарше Гвенды. Мужчина, невысокий, худощавый, с кудрявой рыжей бородой, вешал на пояс меч — это означало, что он либо воин, либо рыцарь; простолюдинам носить мечи не полагалось. Женщина, худая и деловитая, брезгливо посматривала вокруг. Девочка исподволь глазела на это семейство, и тут брат Годвин учтиво им кивнул и поздоровался:

— Доброе утро, сэра Джеральд! Доброе утро, леди Мод!

Гвенда поняла, что именно заставило встрепетаться отца. К поясу сэра Джеральда крепился кожаным ремешком кошель, на вид набитый битком. Там запросто могло оказаться несколько сотен маленьких и тонких серебряных пенни, полпенни и фартингов, то бишь монет, ходивших в Англии. Такие деньги отец зарабатывал за год, если удавалось найти работу. Их семья могла бы прокормиться на этакую добычу до весеннего сева. А может, в кошеле попадутся и какие-нибудь чужестранные золотые монеты, флорентийские флорины или венецианские дукаты.

Под рубахой на шее девочки висел крохотный ножик в деревянных ножнах. Острое лезвие в два счета разрежет ремешок, и толстый кошель упадет в подставленную маленькую ладошку — если только сэр Джеральд ничего не заподозрит и не схватит воровку, прежде чем она справится со своим делом.

Годвин возвысил голос, перекрывая бормотание людей вокруг:

— Ради Христа, койи учит нас любви и милосердию, после службы будет накрыт завтрак. Пока же можете попить из фонтана во дворе, там чистая питьевая вода. Пожалуйста, помните, что отхожие места на улице, в госпитале испражняться нельзя!

Монахи и монахини сурово блюли чистоту. Ночью Годвин застал пивавшего в углу шестилетнего мальчугана и выгнал наружу всю семью. Если у них не нашлось пенни за постоялый двор, значит, бедолагам выпало провести холодную октябрьскую ночь на каменном полу северного придела собора. Также запрещалось входить в храм с животными. Трехногого пса Гвенды, Хопа, безжалостно прогнали. Интересно, где тот ночевал?

Когда зажглись все светильники, Годвин распахнул большие деревянные двери. Студеный воздух ущипнул Гвенду за уши и за кончик носа. Люди принялись плотнее запахивать одежду и потянулись к выходу. Вот двинулось семейство сэра Джеральда, и мамаша с отцом пристроились за ними, а Гвенда с Филемоном поплелись следом.

Филемон тоже подворовывал, но только вчера на кингсбриджском рынке его чуть не поймали. Он стащил с лотка итальянского купца небольшой кувшин с дорогим маслом, но выронил покражу, и все это заметили. По счастью, кувшин не разбился, упав наземь, и Филемону пришлось притвориться, будто он по неловкости задел утварь случайно.

Еще недавно брат был маленьким и неприметным вроде Гвенды, но за последний год подрос на несколько дюймов, заговорил низким мужским голосом и сделался каким-то угловатым и нескладным, словно не мог приспособиться к новому, раздавшемуся телу. Вчера вечером, после случая на рынке, папаша решил, что Филемон слишком неуклюж и приметен для краж и работать отныне будет Гвенда.

Потому она и не спала почти всю ночь.

Вообще-то Филемона звали Хольгером, но когда ему исполнилось десять лет, он вздумал податься в монахи и стал говорить всем, что теперь его зовут Филемон, — мол, это по-церковному. Как ни удивительно, большинство быстро свыклось с новым именем, лишь для матери с отцом мальчик по-прежнему оставался Хольгером.

Снаружи дрожащие от холода монахини стояли двумя рядами, держа в руках горящие факелы, которые освещали дорожку из госпиталя к большим западным дверям Кингсбриджского собора. Над пламенем витали тени, будто ночные бесенята и хобгоблины вертелись поблизости, опасаясь приближаться к святым сестрам.

Гвенда ждала, что Хоп будет где-то поблизости, однако пса не было видно. Наверное, нашел себе теплый уголок и отсыпается. У входа в храм

папаша изрядно постарался, чтобы их не оттеснили от сэра Джеральда. Кто-то из-за спины больно дернул Гвенду за волосы. Она взвизгнула, подумав, что это гоблин, но, обернувшись, увидела шестилетнего соседа Вулфрика. Озорник с гогогом рванул прочь.

— Веди себя смиренно! — зарычал на мальчишку отец и дал Вулфрику подзатыльник. Тот заплакал.

Огромный собор бесформенной глыбой нависал над притихшей толпой. Только внизу можно было различить арки и средники* окон, освещенные неверным красно-оранжевым светом. У входа люди замедляли шаги, и Гвенда увидела горожан, приближавшихся с другой стороны. Их были сотни, а может, и тысячи; правда, она точно не знала, сколько именно людей помещается в тысяче, настолько хорошо она считать еще не умела.

Толпа медленно просачивалась в собор. Беспокойный свет факелов выхватывал из сумрака изваяния у стен, и чудилось, будто те пустились в безумный пляс. В самом низу располагались демоны и чудища. Гвенда с опаской косилась на драконов, грифонов, на медведя с человеческой головой и на собаку с двумя туловищами и одной пастью. Некоторые демоны боролись с людьми: вот бес накинул петлю на шею мужчины, вот чудовище, похожее на лису, тащило за волосы женщину, вот орел с человеческими руками вместо крыльев пронзал копьём обнаженного мужчину. Повыше, под нависавшими карнизами, рядами стояли святые; еще выше восседали на престолах апостолы, а из арки над главным входом святой Петр с ключами и святой Павел со свитком умиленно взирали на Иисуса Христа.

Гвенда знала, что Иисус велит не грешить, иначе ей суждено угодить в лапы демонов, но люди пугали ее пуще демонов. Если не удастся стащить кошель сэра Джеральда, отец ее высечет. Хуже того, всему семейству придется питаться одним желудевым супом. Гвенда с Филемоном будут голодать недели напролет. Грудь у мамыши высохнет, младенец умрет, как и последние двое до него. Отец исчезнет на много дней и вернется разве что с тощей цаплей или с парой белок. Чем голодать, уж лучше пусть высекут, от голода муки намного дольше.

Воровать Гвенду научили рано: то яблоко с лотка, то свежее яйцо из под соседской курицы, то нож, беспечно кинутый на стол пьяницей в таверне, — но красть деньги — совсем другое дело. Если ее поймут за кражей у сэра Джеральда, без толку будет рыдать и надеяться, что проказницу просто пожурят, как случилось, когда она стянула пару чудесных кожаных башмаков у одной добросердечной монахини. Срезать кошель у рыцаря уже не ребяческая шалость, а настоящее взрослое преступление, и накажут воришку как следует.

Гвенда старалась не думать о плохом. Она маленькая, юркая и шустрая, срежет кошель незаметно, точно призрак, если, конечно, справится с дрожью в руках.

* Средник — срединный вертикальный брусок оконной рамы.

Просторный собор кишел собравшимся народом. В боковых приделах монахи с накинутыми на головы капюшонами держали факелы, мерцавшие тревожным красным пламенем. Стройные ряды колонн тянулись вдаль и тонули во мраке. Гвенда держалась поближе к сэру Джеральду, а толпа напирала вперед, к алтарю. Рыжебородый рыцарь и его худая жена девочку не замечали, да и сыновья рыцаря уделяли ей не больше внимания, чем каменным стенам собора. Семейство Гвенды отстало, девочка потеряла их из виду.

Центральный проход быстро заполнялся. Гвенда никогда не видела столько людей в одном месте: их было даже больше, чем на лужайке перед собором в рыночный день. Знакомые весело здоровались, чувствуя себя в безопасности от злых духов в этом святом храме, и разговоры становились все громче.

Но раскатился звон колокола, и шум мгновенно стих.

Сэр Джеральд встал возле семьи горожан в плащах из тонкого сукна; должно быть, это были богатые торговцы шерстью. Рядом с сэром Джеральдом оказалась девочка лет десяти, и Гвенда пристроилась позади нее. Она норовила держаться неприметно, но, к ее смятению, девочка посмотрела на нее и ласково улыбнулась, словно уверяя, что бояться нечего.

Монахи по очереди потушили все факелы, и огромный собор полностью погрузился во мрак.

Гвенда спросила себя, вспомнит ли ее потом эта девочка. Ведь она не просто мельком глянула и перевела взгляд, как бывает чаще всего; нет, она заметила Гвенду, выделила среди толпы, поняла, что ей не по себе, и дружески улыбнулась. Впрочем, в соборе наверняка сотни детей. Невозможно как следует запомнить лицо, увиденное в неярком свете... Или все-таки возможно? Гвенда постаралась отогнать беспокойство.

Невидимая в темноте, она шагнула вперед и беззвучно проскользнула между рыцарем и богатой девочкой, ощутив мягкое сукно плаща девочки с одной стороны и более грубое полотно старой накидки рыцаря — с другой. Теперь ничто не мешало ей срезать кошель.

Она сунула руку за пазуху и вытащила нож из деревянных ножен.

Тишину прорезал жуткий вопль. Гвенда ждала этого — мама рассказывала, какой будет служба, — но все равно ужасно перепугалась. Вопль прозвучал так, будто кого-то пытали.

Затем раздался резкий стук, словно били в жестяную тарелку, потом послышались рыдания, безумный хохот, вострубил охотничий рог, что-то загрохотало, загомонили на разные голоса животные, с дребезгом прозвонил треснувший колокол. В толпе заплакал ребенок, плач подхватили другие дети. Кто-то из взрослых негромко, осторожно хохотнул. Все знали, что шум издают монахи, но суматоха получилась знатная.

Этот миг следовало переждать, сейчас не самое удачное время срезать кошель. Гвенда понимала, что все настороже, все начеку. Рыцарь вскинется на любое прикосновение.

Дьявольский шум между тем усиливался, но вдруг в него вплелся иной звук. Послышалось пение, сперва такое тихое, что Гвенда решила, будто ей почудилось, но постепенно пение становилось громче. Пели монахини. Девочка ощутила себя натянутой как струна. Решающее мгновение приближалось. Двигаясь бесшумно, точно призрак, словно паря в воздухе, она повернулась лицом к сэру Джеральду.

Гвенда в подробностях рассмотрела, во что тот одет. Тяжелая суконная блуза, собранная на талии широким поясом с заклепками. Поверх блузы вышитая накидка, дорогая, но поношенная, с пожелтевшими костяными пуговицами. Сэр Джеральд застегнул несколько пуговиц, но не все — то ли еще толком не проснулся, то ли потому, что из госпиталя до церкви всего пара шагов и строго соблюдать правила незачем.

Гвенда как можно легче положила руку на накидку рыцаря. Вообразила, что ее рука — паучок, такой крохотный, что рыцарь не в силах его почувствовать. Пустила паучка по накидке, нашла отверстие, просунула пальцы внутрь и повела руку вдоль пояса, пока не нащупала кошель.

Демонические вопли стихали по мере того, как пение становилось громче. В толпе впереди благоговейно охнули. Сама Гвенда ничего не видела, но знала, что на алтаре зажгли фонарь и он осветил резной ковчег из золота и слоновой кости, в котором хранились мощи святого Адольфа, и до того, как погасили огни, ковчег на возвышении точно не было. Толпа хлынула вперед, все пытались приблизиться к священным останкам. Гвенда, зажатая между сэром Джеральдом и мужчиной, что стоял перед рыцарем, пошевелила правой рукой и приставила нож к кожаному ремешку с кошелем.

Ремешок оказался прочным и с первого раза не поддался. Гвенда отчаянно пилила кожу ножом, надеясь лишь, что сэр Джеральд, поглощенный зрелищем у алтаря, ничего не заметит. Потом краем глаза уловила смутные очертания фигур вокруг и сообразила, что монахи снова зажигают свечи. С каждым мгновением становилось все светлее. Времени было в обрез.

Гвенда надавила на нож и наконец-то перерезала ремешок. Сэр Джеральд что-то тихо пробурчал. Неужто почувствовал? Или просто откликается на происходящее у алтаря? Кошель соскользнул прямо в руку, но оказался слишком большим и Гвенда его не удержала. Она было перепугалась, что выронила добычу и теперь ни за что не отыщет на полу, под бесчисленными ногами, но сумела перехватить и удержать кошель другой рукой.

На душе стало радостно и легко.

Однако опасность далеко не миновала. Сердечко билось так громко, что, наверное, стук слышали все вокруг. Гвенда быстро повернулась к рыцарю спиной, одновременно запихнув тяжелый кошель под свою накидку. Тот выпирал, как стариковское пузо, и наверняка мог возбудить

подозрения. Девочка сдвинула кошель вбок и прикрыла рукой. Когда станет совсем светло, кошель все равно будет заметен, но более надежного укрытия все равно не найти.

Ножик скользнул обратно в деревянные ножны. Теперь нужно поскорее убираться, пока сэр Джеральд не заметил пропажу, но давка, которая помогла незаметно срезать кошель, мешала улизнуть. Гвенда попробовала было протиснуться назад между телами людей, что стремились к алтарю, желая взглянуть на мощи святого, и очутилась в ловушке, прямо рядом с человеком, которого только что обворовала.

Кто-то спросил ее, дыша в ухо:

— Ты цела?

Та самая богатая девочка! Гвенда поспешила прогнать страх. Ей нельзя привлекать к себе внимания. Помощь совсем некстати. Она ничего не ответила.

— Прошу вас, осторожнее, — обратилась старшая девочка к окружающим. — Не задавите эту малышку.

Гвенда едва удержалась от крика. Непрошенная забота могла аукнуться тем, что ей отрубят руку. Отчаянно пытаясь выбраться, она уперлась руками в спину человека перед собой и подалась назад, но тем самым лишь привлекла к себе внимание сэра Джеральда.

— Тебе же ничего не видно, милая, — ласково сказал рыцарь и, к ужасу Гвенды, поднял ее, подхватив под мышки, над толпой.

Она не могла сопротивляться. Его крупная рука находилась всего в дюйме от срезанного кошеля. Гвенда смотрела вперед, так что рыцарю был виден лишь ее затылок. На алтаре монахи и монахини зажигали все новые и новые свечи и пели гимны в честь давно умершего святого. Через большую розетку восточного фасада внутрь проникал слабый свет: занимавшийся день изгонял злых духов. Жуткий грохот совсем стих, а пение стало громче. Высокий красивый монах подошел к алтарю, и Гвенда узнала приора Кингсбриджа Антония. Воздев руки в благословляющем жесте, тот громко произнес:

— Ныне в очередной раз милостью Христа Иисуса зло и мрак дольнего мира изгнаны гармонией и светом святой Божией Церкви.

Паства ликующе загудела, люди заулыбались. Основная часть службы миновала. Гвенда задрыгала ногами, и сэр Джеральд, верно поняв ее намерения, опустил девочку на пол. Старательно отворачивая лицо, она поспешила скрыться в толпе и снова попыталась продрасться назад. Люди больше не стремились приблизиться к алтарю, и потому Гвенде удалось благополучно отдалиться от рыцаря. Чем дальше, тем проще было пробираться, наконец она оказалась у больших западных ворот и увидела родных.

Отец смотрел выжидательно, готовый рассвирепеть, если выяснится, что дочь не справилась. Гвенда достала кошель из-под рубахи и бросила отцу, с радостью избавляясь от добычи. Папаша схватил кошель, отвернулся, быстро заглянул внутрь и блаженно улыбнулся. Затем он передал

кошель матери, и та ловко засунула его в складки одеяла, в которое закатали младенца.

Самое страшное позади, но опасность миновала не до конца.

— Меня заметила богатая девочка. — Гвенда различила страх в своем голосе.

В маленьких темных глазках папаши вспыхнула злость.

— Она видела, как ты срезала кошель?

— Нет, она просила людей быть поосторожнее, а потом рыцарь подхватил меня и поднял, чтобы лучше было видно.

Мать тихо застонала. Отец проворчал:

— Значит, он тебя запомнил.

— Я отворачивалась.

— И все-таки лучше не попадаться ему на глаза. В госпиталь больше ни ногой. Позавтракаем в таверне.

— Мы не можем прятаться целый день, — заметила мать.

— Смешаемся с толпой.

Гвенде стало легче. Кажется, отец решил, что большой опасности нет. Она почувствовала себя увереннее — папаша опять главный, ответственность не на ней.

— Кроме того, — продолжил он, — хлеб и мясо куда лучше жидкой монастырской каши. Теперь я могу себе это позволить!

Они вышли из храма. Утреннее небо приобрело жемчужно-серый оттенок. Гвенда хотела взять мать за руку, но заплакал младенец и мать отвлеклась на него. Тут на глаза девочке попался трехногий белый пес с черной мордой, который вбежал на двор знакомой вихляющей походкой.

— Хоп! — воскликнула Гвенда, подхватила пса и прижала к себе.

2

Одиннадцатилетний Мерфин был годом старше Ральфа, но, к его крайней досаде, младший брат уродился выше и сильнее.

Это приводило к разладу в отношениях с родителями. Будучи воином, сэра Джеральда не скрывал разочарования, когда старший сын не мог поднять тяжелое копьё, быстро выдыхался, норовя срубить дерево, или прибежал домой в слезах, потерпев поражение в драке. Леди Мод делала все только хуже, защищая Мерфина, когда от нее требовалось лишь притворяться, будто ничего не замечает. Когда отец во всеуслышание нахвалялся сильным Ральфом, мать старалась сгладить положение, называя младшего сына глупым. Ральф действительно рос не самым смышленным, но что же тут поделаешь; такие попреки его только злили, и мальчики опять ссорились.

А утром в День Всех Святых поссорились и родители. Джеральд вообще не хотел ехать в Кингсбридж, однако пришлось. Он никак не мог выплатить долг аббатству. Мод напомнила, что монахи способны ото-